

УДК 811.511.131

Ившин Л.М.

кандидат филологических наук, научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка и литературы ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН» (Ижевск)

О некоторых стилистических особенностях первого перевода Евангелия от Иоанна на удмуртский язык

В статье представлен лингвистический анализ рукописи перевода Евангелия от Иоанна на удмуртский язык вкупе с литературным подходом. На основе сравнительного анализа с церковнославянским текстом раскрываются особенности удмуртского перевода, рассматриваются образные и лексические изменения в процессе восприятия и толкования текста Евангелия.

Ключевые слова: удмуртский язык, письменный памятник, Евангелие от Иоанна, лингвистика, язык, перевод, стилистика

Первоначальные переводы Евангелий на удмуртский язык можно отнести к ранним памятникам, они датируются первой половиной XIX в. Процесс распространения христианской веры среди удмуртского народа посредством переводов был долгим и неравномерным. Первые упоминания о попытках перевода религиозных текстов на удмуртский язык относятся к 1803 г., когда последовал указ Святейшего Синода о переводе на инородческие языки катехизиса и молитв и прочего от 22 января 1803 г. В 1818 г. в Вятке был открыт Библейский комитет, куда в качестве переводчиков были приглашены священники-удмурты. Они приступили к переводу всех четырех Евангелий (от Марка, от Матфея, от Луки, от Иоанна), но, к сожалению, первые два были изданы спустя лишь более чем четверть века [1; 2], а остальные так и остались в рукописном виде (см. об этом подробнее: [3, с. 21–22]). Как отмечают исследователи [4, с. 6; 5, с. 314; 6, с. 50; 7, с. 323], именно при создании переводов Евангелий миссионерами и просветителями (а также редакторами и издателями) была проделана огромная работа по поиску (использованию) лексических, морфологических и синтаксических эквивалентов в удмуртском языке для адекватной передачи русскоязычного материала священных текстов. Перед переводчиками стояла сложная задача, поскольку традиция переводческой техники (особенно в переводе пространных текстов) в удмуртской культуре в то время полностью отсутствовала. Работая над переложением Евангелий, толмачи и не задумывались, что таким образом они вырабатывали первоначальные принципы перевода. Чрезвычайно важным было также следование установкам Синода, требовавшего соблюдения точности текста подлинника слово в слово, именно благодаря этому возникали буквальные переводы, затруднительные для чтения и понимания удмуртов.

Данная работа посвящена анализу некоторых стилистических особенностей языка первого перевода Евангелия от Иоанна на удмуртский язык, рукопись которого была обнаружена нами в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН³. Графиче-

ские, орфографические и палеографические особенности исследуемого памятника были рассмотрены нами ранее [3, с. 21–22; 8, с. 278–282]. Здесь же хотелось отметить лишь то, что Евангелие написано скорописью, характерной для письма начала XIX века – почерк внешне не очень красив, довольно округлые буквы имеют наклон вправо, читаются достаточно четко.

Важной особенностью евангельского текста является разбивка на главы и стихи; она сохранена и в удмуртском переводе. Такое исполнение текста делает его удобочитаемым, помогает легче ориентироваться в содержании Священного Писания.

Перевод «Евангелия от Иоанна» на удмуртский язык был выполнен в рамках требований эпохи, главным из которых было, как отметили выше, буквальное соответствие оригиналу. При этом иногда возникали разного рода расхождения с оригиналом, но в целом сохранялся общий смысл. Однако наблюдается и свободная передача некоторых мест русскоязычного текста переводчиками. При сравнительном изучении двух текстов можно заметить больший объем удмуртского текста по сравнению с оригиналом. Это могло быть обусловлено как самой лингвистической природой удмуртского языка, так и индивидуальным решением переводчика.

1. Стилистическое своеобразие перевода «Евангелия от Иоанна» может быть связано, в первую очередь, с тем, что в начале XIX в. еще не были выработаны правила удмуртской орфографии. В русскоязычной части рукописи наблюдается прописное написание важнейших для православной традиции слов. В удмуртском переводе тенденция выделения слов в тексте существует, но еще сохраняется разноречивой в их написании: слова с прописной литерой в церковнославянском тексте могут быть написаны в удмуртском переводе как с прописной буквы, так и со строчной. Например, написание слова *Отец* с заглавной буквы приобрело в церковнославянском тексте теонимическое значение: нарицательное слово, перешедшее в русской православной культуре в имя собственное, получило значение сакральности. В удмуртском переводе имя *бубиз* – ‘отец’: *Кылъ но ст юзьвиц карыськицъ, милемЭнь но улызь, миц нт*

³ «Отъ Иоанна святое благовѣствованіе» (фонд 94, бумаги А. М. Шегрена, опись 1, дело № 244, 61 лист).

адзимы Солэсь славазэ, бадзиць Славазэ сычэ, кадь огназэ нырысь ворцькэмэзэ Пилэсь **бубизлэнь**, тырэмьнъ Инмарлэнь Козмазэ-лэсь **шонэрэзлэсь** нт. 'И Славо плоть бысть, и везлися въ ны: и видѣхомъ Славу Его, Славу, Его Единороднаго отъ **Отца**, исполнь благодати и Истинны' [9: 1; 14]⁴ было осмыслено в рамках родственных и семейных отношений, тем самым обесценилось сакральное понимание образа. Ряд других слов, имеющих в Евангелии прописное написание на церковнославянском языке, в удмуртском переводе получили строчное написание:

югытъ 'Свѣтъ': *Ацэзэ Ст югытъ эй валъ, истэмьнъ валъ гинэ, шонэръ мэдъ вералтэзэ югытъ понна*. 'Небѣ той **Свѣтъ**, но да свидѣтельствуеъ о свѣтѣ' [9: 1; 8]; *мѹмицэзэ 'Мати': Соку какъ вина эзэ-укмы, мумцэзэ Исусъ-лэнь вэра Солы: вѣна эвэлъ*. 'И недоставшу вину, глаголя Мати Исусова къ Нему: вина неимуть' [9: 2; 3] и др.

С другой стороны, в переводе соблюдено написание местоимений, связанных с именем Бога, с прописной буквы:

Сои 'Его': *Дуніцнъ вылэмъ, дуніэзэ нт Соцнъ, лась, дуніэзэ нт Соя эзэ тудма*. 'Въ міръ бѣ, и міръ тѣмъ быѣтъ, и міръ **Его** не позна' [9: 1; 10];

Солы 'Ему': *Кулэ вылэмъ Солы орцины Самаріэты*. 'Подобаше же Ему пройти сквозъ Самарію' [9: 4; 4] и т. д. Правильное использование переводчиками такого орфографического знака, как заглавная буква, на наш взгляд, обеспечивает более гармоничное восприятие смысла текста.

2. Удмуртские авторы часто прибегали к творческим экспериментам при интерпретации евангельского текста. Например, переводчики расширили семантическое пространство некоторых слов. Так, одно и то же слово в удмуртском тексте используется ими для обозначения разных смыслов:

шонэръ- 'свидѣтельство': *Су лыктызэ шонэрэзэ възьматыны, шонэръ вераны ну югытъ понна, мэдъ воцякыдэ оскозы Соенынъ*. 'Сей прииде во **свидѣтельство**, да свидѣтельствуеъ о Свѣтѣ, да вси вѣру имуть Ему' [9: 1; 7];

шонэр- 'истинный': *Югытъ вылэмъ шонэрэзэ, кудызэ муртлы быдэ вцэзэ сіотэ лыктысьлы дуня*. 'Бѣ свѣтъ **Истинный**, иже просвѣщаетъ всякаго челоуѣка грядущаго въ міръ' [9: 1; 9].

Вероятнее всего, такая ситуация сложилась в результате того, что в воспринимающем языке отсутствовали адекватные базовому тексту понятия. Авторы, таким образом, раздвинули семантику удмуртских слов, выработали рациональные объяснения новых явлений.

3. Средством стилистического обогащения языка также можно считать, как нам кажется, использова-

ние языковой вариативности (разнодиалектные варианты перевода одного и того же церковнославянского слова приводятся без каких-либо помет):

вын- 'братъ': *Одыгъ кыкъ-лэсь, кылысьюсьлэсь Иоаннъ-лэсь Исусъ понна, мынысь-юсьлэсь но Ст сэры, вылэмъ Андрей, **вынызэ** Симонъ Пэтырлэнь*. 'Бѣ же Андрей **братъ** Симона Петра, единъ отъ обоихъ слышавшихъ отъ Иоанна, и по Немъ шедшихъ' [9: 1; 40];

нюнь- 'братъ': *Ст азылт шэттызэ аслесътызэ нюнэзэ Симонэзэ, вэразэ нт Солы: мц шэттымъ Мессіэзэ, вераноезэ, Христосъ*. 'Обрѣте сей прежде брата своего Симона, и глаголя Ему: обрѣтохомъ Мессію, еже есть сказуемо, Христосъ' [9: 1; 41];

домазэ 'въ домъ свой': *Мынызэ ну воцякъ аслазэ **домазэ***. 'И иде каждо **въ домъ свой**' [9: 7; 53];

корканъ 'въ дому': *Іудеосъ кудысэ Марфалэнь **корканъ** валъ буйгатт но валъ Соя, адзиса Марію, сэрытъ султыса мынызэ но, сотсэ но борысазэ потызы малпаса, Со мынэ шай вылэ бэрднъ отынъ*. 'Іудее же убо сущій съ нею **въ дому** и утѣшающею, видѣвъ же Марію, яко скоро воста и изыде, по ней идота, глаголюще, яко идемъ на гробъ, да плачеть тама' [9: 11; 31].

Поскольку к переложению Евангелия были причастны несколько авторов (об этом подробнее см.: [10, с. 91]), предполагаем, что возникновение разнодиалектных вариантов перевода одного и того же церковнославянского слова можно объяснить результатом коллективной работы над текстом. Вероятно, использование подобных лексем позволяло переводчикам избегать тавтологии и лексических повторов. С другой стороны, здесь уместно ставить вопрос об использовании синонимов как одного из важнейших стилистических средств языка при создании любого художественного текста, а Евангелие таковым, вне сомнения, является.

4. При поиске лексических эквивалентов для адекватной передачи бытовой и абстрактной религиозной (и не только) терминологии переводчики применяли прямые заимствования. Передача богословских понятий, не имеющих аналогов в удмуртской культуре, по всей вероятности, была одним из препятствий для авторов переводов. Случаев заимствования подобной лексики довольно много:

законэзэ 'законъ': *Законэзэ Моисеевъ сіотэмьнъ: козмамэзэ нтишъ шонэрэзэ нт Исусъ Христосэнь*. 'Яко **законъ** Моисеомъ данъ бысть: благодать же и истинна Исусъ Христомъ бысть' [9: 1; 17];

пророкъ 'пророкъ': *Ювазы но Соя, ма бэнь тонъ? Іліа б тонъ? Верасъке: Эвэлъ. **Пророкъ** б тонъ? Вэразэ: Эвэлъ*. 'И вопросиша Его: что убо; Іліа ли еси ты; и глаголя: нѣсмь. **Пророкъ** ли еси; и отвѣща: ни' [9: 1; 21];

колодецэзэ 'студенецъ': *Вэразэ Солы кышнт: Имбрэ! номырэ но тылэдъ эвэлъ, мацнъ омыртонт; **колодецэзэ** нушъ муръ; кытысь бэнь Тунъ басыттдъ вѹ улэмъ-зэ?* 'Глаголя Ему жена: Господи! ни почерпала имаша, и студенецъ есть глубока: откуда убо имаша воду живу?' [9: 4; 11] и т. д.

⁴ Здесь и далее для удобства ссылка на источник «Отъ Иоанна Святое благоуѣствованіе (Иоаннъ лэсь Святой благоуѣствованіе)» (Архив РАН, ф. 94, оп. 1., № 244, 61 л.) будет приводиться в следующем формате: [номер в списке литературы: номер главы; номер стиха / стихов].

5. Переводчики «Евангелия от Иоанна» были одними из первых, кто применил новые для удмуртской словесности приемы техники перевода. Авторы использовали подстрочные заметки или сноски, помещая их внизу страницы рукописи. Например, к 18-ому стиху 2-ой главы рукописного «Евангелия от Иоанна» – *Но Іудэось Сознызь вэраськонназь куцькиллямъ, вэразы: ма #түссэ възматодъ Тонъ милэмлы, ози карны дисьтыськодъ, зрыко луэмъ кадъ Тонъ?* ‘Отвѣщаша же Іудеи и рѣша Ему: кое знаменіе являеши Намъ, яко сія твориши’ – дана следующая сноска: «*#түссэ, знаменіе*». Возможно, используя подобные пояснения, переводчики руководствовались желанием сделать незнакомые слова понятными читателю. Предлагая подобные решения в оформлении текста, переводчики принимали во внимание и читательское восприятие. В дальнейшем способ применения сносок использует последующее поколение переводчиков и писателей. Во всяком случае, в печатном «Евангелии от Матфея» на «глазовском наречии» почти каждая страница содержит разного рода сноски и ссылки.

6. В ряде случаев, когда удмуртский язык не представлял в распоряжение переводчиков прямых соответствий для определенной церковнославянской лексической единицы, они стремились передать семантику слова:

исттнъ-косонъ-іосълъ ‘слугамъ’ (букв. ‘по-сылным’): *Мумцъзъ вэра исттнъ-косонъ-іосълъ Солэнь: мбкэ косузь Ст тылэдды, лэсьтылэ.* ‘Глаголя мати Его **слугамъ**: еже аще глаголетъ вам, сотворите’ [9: 2; 5];

югытъ возись ‘свѣтильникъ’ (букв. ‘державший свет’): *Ст вылэмъ югытъ возись жуатэмынь, югытэзъ но лэзись; тц нушъ малпадъ эжытъ гинэ шуъмъ потса улны, Соэ югытазь дыръя.* ‘Онъ бѣ **свѣтильникъ** горя и свѣтъ: вы жѣ восхотѣте возрадоватися въ часъ свѣтънїя Его’ [9: 5; 35] и т. д. Предложенные переводчиками варианты, как им казалось, в семантическом отношении близки к церковнославянским словам.

7. О большом творческом потенциале переводчиков свидетельствует использование приемов толкования и описания. Например, образ *пустыни*

авторы передали с помощью описательного метода или токования:

тыртэмъ мэсташнь ‘въ пустыни’ (букв. ‘в пустом месте’): *Кызицъ кѣ Моисей тыртэмъ мэсташнь вылланы жуызь кыйзэ: озѣкъ кулэ вылланы жуцькынѣ Піэлы адями-іосълэсь.* ‘И како жѣ Моисей вознесе змія **въ пустыни**, тако подобаетъ вознестися сыну чловѣческому’ [9: 3; 14].

Для некоторых религиозных реалий были приспособлены слова, имеющие в обыденной речи несколько иное, бытовое значение:

шуръ дорынъ ‘въ купели’ (букв. ‘у реки’): *Соберя вэразъ Солы: мынь мыстаски шуръ дорынъ Силоамъ, шуискт: истэмън со мынѣзь, мыстаскищъ – вуцъзъ но адземынъ.* ‘И рѣче Ему: Иди, умыйся въ купели Силоамъ, еже сказался, посланъ иде убо, и умылся, и прииде – видя’ [9: 9; 7].

Иногда авторы перевода используют калькированный перевод:

ву нултнъ-зэ ‘водоносъ ее’ (букв. ‘то, в чем носят воду’): *Соку кышнт кэлтызь аслазъ вѣ нултнъ-зэ, мынцизъ но карэ, вэра но калыкъіосълъ.* ‘Остави же **водоносъ свой** жена, и иде во градъ, и глаголя чловѣкамъ’ [9: 4; 28].

В заключении хочется отметить следующее: несмотря на то, что удмуртский перевод «Евангелия от Иоанна» остался неопубликованным, распространение «Христового учения» среди неславянских народов (в том числе удмуртов) наложило отпечаток на характер переводческих опытов. Посредством переводов происходил поиск новых понятий для выражения религиозно-философских идей, представленных в текстах религиозного содержания, формировались и совершенствовались художественно-выразительные возможности удмуртского языка. При переводе Евангелий (в том числе Евангелия от Иоанна) узкодиалектные формы включались в качестве синонимов для тех лексем, которые часто повторялись. Все это, вне сомнения, свидетельствует о рождении удмуртского письменно-литературного языка в переводных произведениях, которые заслуживают самого пристального внимания со стороны ученых-историков удмуртского литературного языка.

Список литературы

1. Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелистовъ Матфея и Марка на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. Казань, напечатанъ въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета, 1847. 138 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. Л.М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). С. 13–386].
2. Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелиста Матфея на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія. Казань, 1847. 234 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Е. Кириллова. Предисл. Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). С. 11–248].
3. Камитова А.В., Ившин Л.М. Особенности перевода Евангелия от Иоанна на удмуртский язык в начале XIX века // Урало-Алтайские исследования. 2012. № 2 (7). С. 14–24.
4. Каракулов Б.И. Роль переводов евангелий издания 1847 года в истории удмуртского литературного языка // Духовная культура финно-угорских народов: История и проблемы развития. Материалы Междунар. науч. конф. (Глазов, 19–21 ноября 1997 г.). Ч. 1. Языкознание. Фольклор и литературное краеведение. Библиотека – книга – читатель. Глазов, 1997. С. 3–8.

5. Кельмаков В.К. Школаын дышетскон книга удмурт литературной кыл сярысь: Рецензия-эссе // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья. Материалы V Международного симпозиума. Ижевск, 2004. С. 299–322.
6. Кельмаков В.К. Очерки истории удмуртского литературного языка: Учебное пособие. Ижевск, 2008.
7. Кондратьева Н.В., Зверева Т.Р. О первых печатных книгах на удмуртском языке 1847 года издания // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья. Материалы V Международного симпозиума. Ижевск, 2004. С. 322–326.
8. Ившин Л.М. Первый опыт перевода Евангелия от Иоанна на удмуртский язык: графико-орфографический анализ // LU. 2012. № 4 (XLVIII). С. 276–283.
9. Отъ Иоанна Святое благовѣствованіе (Иоаннь лсъ Святой благовѣствованіе). Архив РАН, ф. 94, оп. 1., № 244, 61 л.
10. Ившин Л.М. О языке рукописного Евангелия от Иоанна на удмуртском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11-1 (41). С. 90–93.

Ivshin L.M.

On Some Stylistic Features of the first translation of The Gospel of John into the Udmurt language

The article represents the linguistic analysis of the manuscript translation in the Udmurt language of Gospel according to St. John together with the literary approach. On the basis of comparative analysis with the Church Slavonic pattern the peculiarities of the Udmurt translation are revealed, the figurative and lexical changes appeared in the process of perception and interpretation of the Gospel text are examined.

Keywords: Udmurt language, written monument, Gospel of John, linguistics, language, translation, stylistics